

НИКОЛАЙ ЩЕКАТИХИН – ЗНАКОВАЯ ФИГУРА В БЕЛОРУССКОМ ИСКУССТВОВЕДЕНИИ

Ключевые слова: Николай Щекатихин, первооткрыватель белорусского искусствознания, исследование фресковой росписи, исследование белорусской архитектуры, Ф. Скорина.

Настоящая статья ставит целью представить творческое наследие Николая Николаевича Щекатихина, позволяющее достойно оценить его актуальные и в наше время научные труды. Объектом статьи стали работы ученого, посвященные изучению искусства Беларуси.

Особый интерес вызывают личности, творческая деятельность которых повлияла на дальнейшую судьбу научной мысли. Такой личностью исключительного масштаба, знаковой для

белорусского искусства является Н. Щекатихин (1896–1940). Его научная и исследовательская деятельность легли в основу развития белорусского искусствоведения. Н.Щекатихин – один из зачинателей белорусского искусствоведения, историк и теоретик искусства родился в Москве, учился в Московском университете (его преподавателями были В. Мальмберг, А. Сидоров, А. Некрасов и др.). Эрудит, владеющий европейскими языками, в университете он специализировался в области истории западноевропейского искусства. До переезда в 1921г. в Минск он работал в Москве в Наркомпросе по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. В Минске с 1922 г. он преподавал в Белорусском государственном университете, позднее одновременно был научным сотрудником Института белорусской культуры.¹ В 1930 г. он был арестован, в 1931г. выслан в Белебей (Башкортостан), где в 1940 г. Н. Щекатихин умер.

Условно творческий и жизненный путь ученого можно разделить на три периода: московский, белорусский и период ссылки. Первый – московский – это период взросления, получения знаний, второй – белорусский – время реализации возможностей, становление личности ученого, исследователя, педагога. Это самый яркий, плодотворный, насыщенный и многообещающий этап в его жизни. Возможно, существенную роль здесь сыграл феномен трудоспособности ученого. Ею определяется ширина охваченных

Н. Н. Щекатихин. Середина 1920 гг.

искусствоведческих проблем, связанная с белорусским Возрождением. Именно она способствовала раскрытию неиссякаемого источника потенциальных возможностей ученого. К сожалению, для решения всех поставленных задач ученому было отведено слишком мало времени – неполных 10 лет жизни в Беларуси. Ссылочный – завершающий, до недавнего времени неизвестный трагический этап в жизни ученого.

Искусствоведческие исследования Щекатихина приходились на 1920 гг. – годы становления молодого белорусского государства в атмосфере культурного возрождения, в котором изучение искусства Беларуси занимало важное место. С созданием ИБК эта задача решалась одновременно с другими политическими и государственно-экономическими задачами молодого государства. В это время малоизученное искусство Беларуси требовало глубокого исследования. Для проведения такой масштабной научно-исследовательской работы не хватало научных кадров, практиков, творческих деятелей. Эти обстоятельства способствовали созданию в 1925 году секции Искусства в ИБК, в которой Щекатихин возглавил подсекцию изобразительных искусств. К этому времени ученый проявил себя не только как знающий специалист, но и как знаток белорусского искусства. Этому событию предшествовало предложение первого ректора БГУ² В. Пичеты (1879–1947) молодому преподавателю университета заняться сбором местного материала и разработать курс лекций на этой основе. Поначалу такое задание удивило молодого ученого смелой постановкой задачи. Но со временем, по мере обработки материала, объем которого постоянно увеличивался, Щекатихин делал, в том числе и для себя, много открытий. Открыв для исследований белорусское искусство, он с легкостью приступил к разработке проблем. Так, впервые в истории Беларуси, в БГУ был представлен курс лекций по истории белорусского искусства (1923–1924 гг.). Это явилось значительным шагом вперед в завоевании нового пространства – «белорусское искусство». Позднее лекционный курс превратился

в рукописный вариант и окончательно оформился в «Очерки белорусского искусства» (*Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва*, 1928)³, которые в дальнейшем автором постоянно дорабатывались. Этот труд стал основанием для приглашения Щекатихина как единственного специалиста в области белорусского искусствоведения в ИБК. Можно утверждать, что с этого времени искусствоведение Беларуси уравнивается с мировым искусствоведением. В работу подсекции входило изучение искусства Беларуси: сбор и систематизация материалов по истории белорусского изобразительного искусства (с фотографиями и зарисовками); разработка терминологии изобразительного искусства; обработка материалов по изучению собраний Белорусского государственного музея (БГМ, 1921)⁴, изучение современного белорусского искусства; планировалось изучение гравюр Ф. Скорины, фресковых росписей полоцких храмов и др.

Опыт работы в области охраны памятников искусства и старины⁵ формирует у Щекатихина собственный практический взгляд на музейное дело, собирательскую деятельность как на серьезную научную работу.⁶ Известно, что работа по собиранию памятников изобразительного искусства в Беларуси проводилась Российской Академией наук еще с XVIII в. В XIX – нач. XX в. создавались отдельные музеи, организовывались первые выставки древнего искусства (Минск, Вильно, 1918). Позднее, в связи с централизацией музеев республики в 1920-е гг., музеи Витебска, Могилева, Гомеля стали филиалами БГМ. Экспедиционная деятельность в Беларуси была связана со сбором и изучением памятников белорусского искусства. В 1925 г. была организована экспедиция под руководством Щекатихина. Экспедиционная деятельность сыграла важную роль в исследованиях ученого.⁷ В результате ее дорабатывались лекции, выходили публикации трудов по живописи, скульптуре и архитектуре Беларуси, собирался материал для будущих публикаций и открытий. Будучи консультантом БГМ, он видел необходимость трудов по изучению собрания

музея, обработке музейных материалов и созданию музейных собраний, издания каталога⁸ по фондам музея с сопроводительной информацией по 53 произведениям искусства. Важное место в статьях по музейному делу занимал предложенный ученым творческий и организационный подход при создании музейных собраний, которые должны были отражать суть музея. Важным акцентом в дальнейшем развитии музеев он видел собрания (коллекции), представляющие национальные ценности. Ими должны заниматься соответствующие музеи – «национальные» или «государственные».⁹ Формирование фондов Витебского художественного музея основывается на такой концепции. Собрание охватывает произведения искусства местных художников всех эпох и направлений: от творений Ю. Пэна и его учеников до современных витебских художников, их творческих групп (*Квадрат*, *Витебские акварелисты* и др.). И в наше время подтверждается актуальность и оправданность намеченных в этом направлении проблем.¹⁰

Обилие экспедиционного и архивного материала, его переосмысление и систематизация, работоспособность и увлеченность своим делом расширяли творческие горизонты Щекатихина. Ученый начинает знакомство с искусством Беларуси с отдельных памятников, однако постепенно у него складывается стройная система представлений об эволюционном развитии белорусского искусства. Со временем она оформилась и выросла до масштабов научного труда по искусству Беларуси в предполагаемом объеме в 5 томах. Вчерашняя мечта ученого-романтика сегодня оказалась реальностью: среди созвучных замыслу ученого, изданных за последние десятилетия трудов в Беларуси значительное место принадлежит коллективной работе обобщающего характера *История белорусского искусства* в 6 томах.¹¹ Это предвидение научной мысли Щекатихина, проверенное испытанием временем.

Щекатихиным была проведена большая работа в области изучения культовой архитектуры

Беларуси. Выстраивая историю развития белорусской архитектуры, рассматривая ее сквозь призму мировой художественной культуры, ученый стремился соединить воедино процессы ее развития. Новое время требовало отказа от описательности отдельных памятников. Такой позиции придерживались исследователи прежних времен, приводившие факты из истории отдельных памятников или в лучшем случае описывавшие их. Такой подход ограничивал возможности восприятия. По замечаниям А. Кушнеревича, ценность Щекатихина как исследователя архитектуры в умении показать историю, выявить истоки и эволюцию определить достойное место того или иного памятника после искусствоведческого анализа.¹² А. Трусов отмечал большую научную ценность работ Щекатихина-искусствоведа для нашего времени наряду с трудами И. Хозерова. Он ценит труды ученого за то, что Щекатихин «впервые ввел в научный оборот и рассмотрел такие принципиально важные моменты в истории нашей архитектуры, как «белорусская готика», «белорусское возрождение» и «белорусское барокко».¹³ Т. Габрусь называет научную концепцию Щекатихина белорусской готики XIV–XVI вв. новаторской. Выделяя труды ученого среди исследований предыдущих поколений, она заостряет внимание на том, что Щекатихин рассматривал архитектуру как продукт художественного творчества, акцентировал национальные истоки явления. Обращая внимание на то, что он не имел возможности пользоваться натурными, визуальными исследованиями некоторых памятников белорусской готики, которые находились в Западной Беларуси, и др. трудности, Габрусь отметила, что это не помешало ученому «на основе только письменных графических источников сделать почти фантастический по скрупулезности искусствоведческий анализ костелов Св. Анны в Вильно, церквей-крепостей в Сынковичах, Мало-Можейкове и Супрасли».¹⁴ Некоторые неточности исследований Габрусь объясняет недостаточным знанием датировок и количества памятников белорусской готики. Она отмечает высокий профессиональный

уровень ученого, позволивший уменьшить «белые пятна» в исследованиях по белорусской костельной готике того времени. Габрусь обращает внимание на оценку национальных отличий стиля барокко¹⁵ в трудах Щекатихина, определявших памятники как «белорусское барокко». По мнению Габрусь, эта новаторская идея объединяла в общенациональное целое архитектурное наследие Беларуси того времени, которое жестко определялось как католическое и православное или более узко «польское» и «русское», но никак не белорусская архитектура.¹⁶ Ценность и актуальность предложенной Щекатихиным характеристики важна, как далее отмечает Габрусь, по той причине, что в белорусском искусствоведении советского времени, в период после ареста ученого вплоть до первых публикаций в 1960 гг., ни термина «барокко», ни понятия барокко в Беларуси как бы не существовало. Только в последние три десятилетия белорусское искусствоведение сделало значительные наработки по проблеме национальной разновидности стиля барокко, а искусствоведческая концепция белорусского барокко последовательно раскрывается Габрусь.¹⁷

А. Селицкий высоко оценивает работу Щекатихина в области исследований монументальной живописи на примере полоцких росписей. Он отмечает, что первые серьезные исследования полоцких фресок относятся к середине 1920-х гг. «... и связаны, прежде всего, с именем Н. Н. Щекатихина, человека исключительного трудолюбия и преданности делу изучения белорусского культурного наследия...».¹⁸ Спустя десятилетия после анализа, проведенного Щекатихиным, Селицкий впервые провел комплексные исследования фресковой росписи XI–XII вв. в историко-архивном и искусствоведческо-археологическом аспектах; наряду с реконструкцией росписей и выдвинутыми гипотезами относительно утраченных компонентов и выявленных особенностей иконографии и стиля с точки зрения современной науки, исследователь дал высокую оценку работе Щекатихина.¹⁹

Среди фундаментальных трудов значительное

место занимают работы Щекатихина, посвященные жизни и деятельности первопечатника восточнославянских земель Ф. Скорины (в пределах 1490–1551 гг.). Особое внимание ученый уделил художественному оформлению изданий Ф. Скорины. Идеи Щекатихина явились фундаментом для последующих поколений исследователей наследия первопечатника – Л. Борозны, В. Шматова, Н. Николаева, Е. Немировского и др. Скориноведение, будучи одним из наиболее ценных ответвлений в искусствоведческом наследии ученого, было научно рассмотрено в контексте белорусского искусства. Впервые был сделан детальный, подробный, комплексный анализ изданий Ф. Скорины (классификация гравюр, заставок и др. элементов искусства книги), затронувший проблему взаимовлияния, вопросы авторства и самобытности стиля гравюр и др. Уместно привести высказывание графика, доктора искусствоведения В. Шматова (1936–2006) о том, что «художественное оформление скориновских книг – многогранная проблематика, ... «белое пятно» в искусствоведении. Известна одна (!) основополагающая статья Н. Щекатихина».²⁰ Дальнейшее изучение скоринианы, в том числе тематика заимствований, нашла продолжение в 1990-е гг. в исследованиях В. Шматова. Они подтвердили верность взглядов Щекатихина, напр., о чешских и немецких заимствованиях, носивших, по словам ученого, творческий, осмысленный и самобытный характер. Заслуживает внимания философский и научный подход к анализу гравюр Скорины. Подход к осмыслению влияния западноевропейского искусства оказался не только правильным, но и оправданным всем развитием белорусского искусствоведения.

Занимаясь в области прикладного искусства подбором и обработкой материалов по истории слуцких поясов, их орнаментики, Щекатихин коснулся темы самобытности белорусского искусства. В этом плане вызывают интерес комментарии ученого и исследователя к известному стихотворению белорусского поэта и прозаика М. Богдановича (1891–1917) *Слуцкие ткачихи*. По мнению Н. Щекатихина, стихотворение

было создано под впечатлением, которому предшествовало знакомство поэта с белорусской стариной во время его путешествия летом 1911 г. в Вильно. Это событие подтверждается в воспоминаниях отца поэта – белорусского этнографа, историка культуры А. Богдановича (1862–1940). Внимание исследователя в стихотворении привлекло опоэтизированное художественное видение процесса создания случкого пояса. Описанная в стихотворении тема женского подневольного труда при создании поясов не совсем соответствовала историческим сведениям, но описание рисунка, замеченные поэтом особенности случких поясов как продукта производства (тканых «на лад персидских» – для случких тканей, особенно первых, было характерно «заимствование персидских рисунков»), и поэтический образ процесса его создания, когда «вместо персидского» возникает «цветок родины – василек», были точными. Ученый предположил, что поэт Богданович построил свое стихотворение на основе полученных сведений, не зная, что случкие пояса никогда не производились, как описал поэт – крепостными крестьянками на панском дворе. Сохранившиеся Несвижские архивные документы свидетельствовали, что работали исключительно мужчины, преимущественно мещане, и частично шляхтичи, получая за работу деньги. Поэт в стихотворной форме раскрыл тему взаимодействия культур. В действительности, что касается сходства поясов местного производства с персидскими, это Щекатихин объясняет основанием случкой фабрики, продукция которой должна была конкурировать с персидской и турецкой. Это производство было распространено в Беларуси и Польше в XVI – нач. XVIII в. Как замечает исследователь, со временем пояс имел явные основания для тех видоизменений, каким подвергались прежние персидские рисунки при изготовлении их в Слуцке. Здесь «в них вошлись местные элементы, преимущественно с нашей белорусской флоры».²¹ Как и при изучении гравюр Ф.Скорины, ученый пришел к аргументированному выводу о взаимодействии

культур. Его предположения, связанные с персидским происхождением известных поясов, подтверждаются в трудах современных исследователей. Тема эта нашла успешное развитие в работах белорусских и польских исследователей. М. Кацер, Л. Якунина, Д. Тризна занимались вопросами производства поясов, наличия мануфактур, количества рабочих. Современные ученые (И. Скворцова и др.) исследуют стиль, который вбирает в себя понятия содержания, формы, идейного, идеологического и эстетического наполнения, а также обосновывают социальную и историческую базу создания случких поясов.

Важно отметить, что в конце 1920-х гг. круг интересов Щекатихина сузился и определился: он ограничивался вспомогательной исторической дисциплиной – нумизматикой. По данным известного белорусского нумизмата В. Рябцевича в 1929 г. Щекатихиним были подготовлены к печати статьи *Обзор монетных находок Белоруссии за 1926–28 гг.* и *Описание монетных находок на территории Минска*, место нахождения которых до нынешнего времени неизвестно.²²

О последнем, ссыльном, до недавнего времени неизвестном этапе жизни Щекатихина известно из письма к В. Пичете от 1939 г.²³ Это письмо явилось связующим звеном между жизнью в Беларуси и ссылкой. Письмо это – это документ времени, эпохи, «научный отчет» ученого. Оно помогло проследить дальнейшую трагическую судьбу ученого, перекликавшуюся с судьбами многих людей его поколения во всей необъятной стране. Годы ссылки вылились в десятилетие. Доподлинно известно, что ученый продолжал заниматься вопросами нумизматики. Из письма ссыльного ученого известно, что его рукопись *Клады с литовскими монетами как материал для истории литовской нумизматики и денежного обращения до конца XVII столетия* была послана в нумизматический отдел Эрмитажа на хранение в середине 1930 гг. Она была высоко оценена нумизматами Эрмитажа, отмечавшими, что труд заслуживает быть напечатанным полностью, при наличии

такой возможности. К недостаткам рецензенты отнесли незнание автором памятников, находившихся в других музеях, и новейшей литературы, но высоко оценили его оригинальный метод исследования. Ныне в Эрмитаже хранятся рукописные труды Щекатихина по нумизматике *Топография кладов с литовскими монетами на территории древнего Литовского государства. 1933–1934 гг.*²⁴, *Некоторые варианты литовских монет*²⁵, *Очерк истории литовской монеты XVI–XVII столетий. Ч. 1 (1932–1937)*.²⁶ В настоящее время существует проект издания рукописей Щекатихина Национальным художественным музеем Беларуси и Эрмитажем. К рукописным нумизматическим трудам Щекатихина обращался В. Рябцевич и др. Отмечая, что нумизматика – одна из самых молодых исторических дисциплин в Беларуси, В. Рябцевич обратил внимание на предшественников П. Харламповича и Ю. Ядковского, отметил богатое, пока не опубликованное, но весьма полезное, наследие по нумизматике, оставленное Щекатихиным.²⁷

Вся масштабная искусствоведческая деятельность Щекатихина была направлена на развитие белорусского искусства и искусствоведческой науки в целом. Им были созданы многочисленные научные труды, частично опубликованные, частично хранящиеся в рукописях, частично утраченные во время репрессий, ссылки, военного времени. В то время он был единственным профессиональным искусствоведом в республике: именно ему было поручено написать статью для первого многотомного издания Большой Советской энциклопедии об искусстве Беларуси.²⁸

Щекатихиным впервые в истории белорусского искусства была выработана новая концепция развития, сделана периодизация. Будучи одним из тех, кто совершал первые шаги в создании национального искусствоведения, ученый понимал, что от него требовались глубокие знания как исследователя, умение обобщать предыдущий опыт для выявления путей развития и места искусства Беларуси в истории всемирного искусства. Педагогическая деятельность

в Беларуси расширяла горизонты научной деятельности Щекатихина: он разрабатывал курсы по белорусскому, польскому, украинскому искусству и др. Научно-исследовательская деятельность Н. Щекатихина способствовала освещению многих вопросов по истории, подготовке почвы для разработки белорусской терминологии изобразительного искусства, музейного дела, методики изучения белорусского искусства и др.

Путь исследователя – от первоначальной задачи хронологически датировать уже известные на то время древние (архитектурные) памятники, с постепенным расширением и уточнением сведений о них, с учетом существовавших на то время сведений (исследований) до изучения сохранившихся, но еще неисследованных памятников. Он стремился выявить процессы и тенденции развития искусства в Беларуси, происхождение художественных форм и влияний на белорусское искусство. Работа захватывала, предоставляла новые возможности, была плодотворной. Хорошо зная труды своих предшественников-исследователей белорусского искусства (по печатным и архивным, источникам), ученый пошел дальше, стремясь показать связь искусства Беларуси с искусством Западной Европы. Он исследовал архитектуру (в том числе оборонное зодчество XIV–XVI вв.) Беларуси от древности до современности, культовую и монументальную живопись XI–XIX вв., графику, иконопись XVII–XVIII в., декоративно-прикладное искусство (случкие пояса, народный орнамент ткани и вышивки и др.), творчество белорусских современных художников конца XIX – первой трети XX вв., подготовил к печати материал о белорусских художниках в Польше XIV–XV вв. Особое место в его творчестве занимают исследования гравюр и искусство книг Ф. Скорины – ученый предложил собственную классификацию гравюр, проанализировал гравюры с точки зрения авторства. Завершающим аккордом его научной деятельности явились труды по нумизматике. Без необходимого современного научного аппарата он продолжал работать над

этой темой и довел ее до завершения, будучи безнадежно больным. Щекатихин относится к категории ученых, сила научной мысли которых и жажда ее реализации поддерживали едва теплившуюся жизнь в последний период его жизни. Трагическая судьба не позволила закончить начатое, осуществить все его замыслы. Но сохранившаяся малая часть его научного наследия выдержала испытание временем, она ценна и актуальна сегодня. Ряд фундаментальных печатных работ по скореноведению, древнему белорусскому зодчеству, иконописи, монументально-декоративному искусству, рукописи, хранящиеся в Эрмитаже, и др., по мнению многих белорусских ученых, «можно считать поворотом в изучении истории и культуры Беларуси». Им введены в научный оборот понятия «белорусское искусство», «белорусская церковная готика», «белорусское барокко», что позволяло рассматривать белорусскую архитектуру и искусство как продукт художественного творчества, акцентируя внимание на национальных корнях явления. В последние десятилетия к личности, творческому и жизненному пути ученого-искусствоведа, его наследию проявляется особый и заслуженный интерес, связанный с бесспорным воздействием его на современное белорусское искусство, а своевременно акцентированные им проблемы важны и ныне в картине самобытности белорусского искусства и его связей с искусством стран Западной и Восточной Европы. Учитывая обилие искусствоведческого наследия белорусского ученого, явившегося результатом почти десятилетней работы в Беларуси, настоящая статья далеко не исчерпывает представления о богатейшем научном наследии Николая Николаевича Щекатихина.²⁹ Представленные в статье этапные работы белорусского искусствоведа не претендуют на исчерпывающее осмысление в целом его масштабного научного наследия. По-настоящему оценить наследие ученого будет возможно, лишь благодаря усилиям многих взаимодействующих взглядов и мнений ученых. Такая оценка – дело будущего, возможно, и ближайшего.

Примечания

- ¹ Инбелкульт, ИБК – Институт белорусской культуры; с 1929 г. – Белорусская академия наук.
- ² Белорусский государственный университет (БГУ) – ведущий вуз Беларуси. Открыт в Минске 30 октября 1921 г.
- ³ Шчакаціхін, М. *Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва*. Т. 1, Мінск, 1928.
- ⁴ Белорусский государственный музей (БГМ), исторический музей Белоруссии, существовавший в 1919–41. До 31-08-1923 – Белорусский областной музей. В музее имелось 5 отделов: историко-археологический, нумизматико-сфрагистический, этнографический, художественный, церковно-археологический, а также архив рукописных документов XVI–XVIII в.в. и научная библиотека.
- ⁵ В 1918 г. Щекатихин работал в Наркомпросе в г. Москва.
- ⁶ Чэбан, І. Мікалай Шчакаціхін і стварэнне нацыянальнага беларускага музея. In: *Беларускі гістарычны часопіс*. 1996, № 1, с. 94–96.
- ⁷ Высоцкая, Н. Ф. *Собирание, реставрация и изучение произведений древнебелорусского искусства в государственном художественном музее БССР*. In: *Сообщения государственного художественного музея БССР*. Вып. 1. Мінск, 1994, с. 155–156.
- ⁸ *Сучаснае беларускае мастацтва: праваднік па адзеле сучаснага беларускага малярства*. БДМ / Апрац, М. Шчакаціхін і В. Ластоўскі. Мінск, 1929.
- ⁹ Чэбан, І. Л. Мікалай Шчакаціхін і стварэнне нацыянальнага беларускага музея In: *Беларускі гістарычны часопіс*. 1996, № 4.
- ¹⁰ Холодава, І. П. М. Шчакаціхін: нашы задачы. In: *Матэрыялы да 100-годдзя з дня нараджэння Міколы Шчакаціхіна*. Мінск, 1996, с. 82.
- ¹¹ *Гісторыя беларускага мастацтва*. Т. 1–6. Мінск, 1987–1994.
- ¹² Кушнярэвіч, А. М. *Культывавае дойлідства Беларусі XIII–XVI стст.* Мінск, 1993, с. 13.
- ¹³ Трусаў, А. А. *Старонкі мураванай кнігі. Манументальная архітэктура эпохі феадалізму і капіталізму*. Мінск, 1990, с. 15.
- ¹⁴ Габрусь, Т. В. Мікола Шчакаціхін і пытанні генезісу беларускай готыкі ў культывавым дойлідстве In: *Матэрыялы да 100-годдзя з дня нараджэння Міколы Шчакаціхіна*. Мінск, 1996, с. 78–79.
- ¹⁵ Шчакаціхін, М. *Помнікі старадаўняе архітэктуры XVII–XVIII стагоддзяў у Мінску* In: *Запіскі аддзела гуманітарных навук Інбелкульту*. Кн. 6. *Працы камісіі гісторыі мастацтва*. Мінск, 1928, Т. 1–2. с. 1–38.
- ¹⁶ Габрусь, Т. *Мураванья харалы. Сакральная архітэктура беларускага барока*. Мінск, 2001, с. 7.
- ¹⁷ Ibid, с. 8.
- ¹⁸ Селицкий, А. А. *Живопись полоцкой земли XI–XII вв.* Мінск, 1992, с. 10.
- ¹⁹ Шчакаціхін, М. *Фрэскі Барысаглебскага манастыра*. In: *Наш край*. 1925, № 1, с. 18–27.
- ²⁰ Шматаў, В. *Абодва перамаглі. Творчыя кантакты Скарны з Дзюрэрам*. In: *Мастацтва Беларусі*. 1990, № 9, с. 11.
- ²¹ Архив КГБ. Дело № 20951-с. Т. 17.
- ²² Рябцевич, В. Н. *Нумизматика Беларуси*. Мінск, 1995, с. 8.

²³ РАН Ф. 1548. Оп. 3. Д. 244. Впервые было выявлено историком В.Токаревым. Васілеўскі, П. *Абвінавачваецца сталінічына*. In: *Мастацтва Беларусі*. № 6, с. 28–30.

²⁴ Государственный Эрмитаж. Нумизматический отдел. № 129052, 265 с.

²⁵ Государственный Эрмитаж. Нумизматический отдел. № 129053, 40 с.

²⁶ Государственный Эрмитаж. Нумизматический отдел. № 139974, 40 с.

²⁷ Чэбан, І. *Рукапісы*. In *Матэрыялы да 100-годдзя з дня нараджэння Міколы Шчакаціхіна*. Мінск, 1996, с. 19.

²⁸ *Белорусское искусство*. БСЭ. Т. 5. Москва, 1927, с. 416–421.

²⁹ Впервые к личности ученого обратился А. С. Лис в книге *Хараство няпазнанай зямлі* (Мінск, 1968). См. так же: Пётра Васілеўскі. *Пачынальнік (Начинатель)*. In: *Мастацтва Беларусі*. 1986, № 11, с. 35–38; *Абвінавачваецца сталінічына* (“Обвиняется сталинщина”) In: *Мастацтва Беларусі*. 1989, № 6, с. 28–30; Каўка, Аляксей. Шчакаціхін, Мікалай. *З поўнай свядомасцю сваёй праваты* In: *Мастацтва*. 1993, № 3, с. 49–52. В 1996 г. Национальным художественным музеем Республики Беларусь осуществлены: сбор материалов по местам ссылки в Башкортостане (уточнены даты смерти и жизненного и творческого пути ссыльного ученого), проведена выставка документов и публикаций Н. Н. Щекатикина, а также икон из фонда музея (которые упоминаются в его работах) и др.

Irina CHEBAN

The Publishing House *Belorussian Encyclopedia of the P. Brovki, Minsk*

NIKOLAY SCHEKATIKHIN – THE ICONIC FIGURE IN THE BELARUSIAN ART HISTORY

Key words: Nikolay Schekatikhin, founder of Belarusian art history, research on monumental painting, research on Belarusian architecture, Francis Scorina.

Summary

The article represents a synopsis of prominent Belarusian scientist Schekatikhin's works and activities (1896–1940). He was a founder of Belarusian art history and theory and was repressed in the 30ties. You can become acquainted with his scientific heritage and his works, which are of value for current Belarusian art history. His major contribution to the study of Belarusian art is the method and methodology developed by him. As a result, he was the first in the Belarusian history to discover a new conception in the development of Belarusian art and to introduce periodization. He applied an all-round approach to the study of Belarusian culture and defined the path of the development of Belarusian architecture in the terms of world culture. His research on monumental painting was very important. The papers about the life and works of the first Belarusian printer Francis Scorina (1490–over 1541) occupy a significant part of his studies. He paid a great deal of attention to the personality of Scorina himself, on the design of his books and the style of his engravings, etc. He spent a lot of time to collect and process the sources about the history of the belts of Slutsk. He noted the German and Czech influence in these works, as well as in the engravings of Scorina. The results of these and other researches of the scientist are documented in the studies of contemporary researchers. This paper is not exhaustive and does not represent the full scope of N. Schekatikhin's scientific heritage, because of the strict limit on article size.

Gauta 2011 01 28

Parengta spaudai 2011 10 12